

___Балет «Пламя Парижа»
(1933 год)

си соединил в себе балетмейстер Горский. Чисто классические балеты он ставил превосходно и регулярно — ради наполнения кассы, для сохранения труппы в форме и на радость своим главным оппонентам-консерваторам Екатерине Гельцер и Василию Тихомирову, ведущим и всевластным премьерам Большого.

Октябрьская революция Горского только окрылила: к ее первой годовщине он изваял батальный балет «Стенька Разин». Вместе с Немировичем-Данченко подверг радикальной переработке «Лебединое озеро» и «Жизель», изобразив виллис без всякого романтического флера — во всей их тленной покойницкой красе. Параллельно начал ставить балеты на музыку симфоний без всякого сюжета, и кто знает, куда бы завело его неумное воображение, но время Горского истекло в самом буквальном смысле: он умер в 1924 году в возрасте 53 лет.

Балет Большого, ошарашенный лишениями «военного коммунизма» и административными новшествами, в 1920-е вел себя бурно: в класс ходил нечасто, зато страстно качал права, расколовшись по возрастным категориям на два лагеря. Консерваторы, ведомые немолодыми премьерами, отстаивали нетленность классики. Молодежь во главе с 32-летним балетмейстером Касьяном Голейзовским в Экспериментальном театре (филиале Большого) искала революционные формы. И нашла их в «Иосифе Прекрасном» — библейском балете с весьма эротичным сюжетом, поставленном в 1925 году эстетом Голейзовским в оформлении Бориса Эрдмана: станки, кубы, плоскости — сущий авангард. Спектакль оказался превосходным, однако по понятным причинам долго жить ему не дали: в 1927-м из Большого удалили балетмейстера, а вслед за ним — и его балет.

Эксперименты были завершены: в том же году на сцене Большого появился балет «Красный мак» балетмейстеров Лащилина и Тихомирова — образец эклектики, признанный властями годным к употреблению пролетариатом. Мелодраму про китайскую танцовщицу, спасшую капитана советского корабля ценой собственной жизни, пролетариат полюбил: помимо детективного сюжета там была масса экзотических эстрадных танцев (включая матросское «Яблочко») и сахарный «Сон» героини, скопированный из староклассических балетов.

В 1930-м в недрах Большого обнаружился перспективный балетмейстер: 24-летний Игорь Моисеев бодро закончил застопорившийся было балет Лащилина «Футболист», перевел на балетный язык «Саламбо» Флобера, сочинил искрометных «Трех толстяков».

И остался бы СССР без знаменитого Ансамбля Моисеева, если бы талантливого честолюбивого москвича не вытеснили из Большого балетмейстеры ленинградцы, присланные формировать репертуар, достойный «главного театра страны». Тогда же родился тезис, оказавшийся чрезвычайно живучим: «Сцена Большого не место для экспериментов». И Большой перестал экспериментировать, то есть жить самостоятельной жизнью: на его сцену переезжают готовые балеты, хорошо зарекомендовавшие себя на подмостках Ленинграда. Переезжают вместе с их авторами: Василием Вайноненом, Ростиславом Захаровым, Леонидом Лавровским (два последних и возглавляют труппу Большого в 1930–1950 годы). Все знаменитые драмбалеты сталинской эпохи, составлявшие тогда ядро репертуара: «Пламя Парижа», «Бахчисарайский фонтан», «Ромео и Джульетта» — были сданы москвичам «под ключ». Лишь однажды эта практика дала осечку: одобренный в северной столице «Светлый ручей» в Москве нарвался на убийственную критику идеологов «Правды»: спектакль заклеили как «балетную фальшь», балетмейстера Лопухова сослали в ленинградскую балетную школу, а композитор Шостакович навсегда зарекся писать балеты.

Кроме выписываемых из Ленинграда балетов и балетмейстеров Большой театр с начала 1930-х годов укрепляют педагогическими и актерскими кадрами. В Москву переезжают Марина Семенова, Алексей Ермолаев, после

___Александр Горский
(1898 год)

___Нынешний худрук балета Большого театра Сергей Филин (слева) и прима-балерина Мария Александрова (справа) в балете «Светлый ручей» в постановке Алексея Ратманского (2003 год)

___Екатерина Гельцер и Василий Тихомиров
в балете «Корсар» (1912 год)

___Екатерина Максимова
и Владимир Васильев
в балете «Спартак» (1972 год)

___Картина Цезаря Кавоса «Портрет А.П. Глушковского в роли Рауля де Креки в балете „Возвращение из крестовых походов“» (после 1825 года)

войны — Галина Уланова, Сергей Корень. Прибывают и превосходные педагоги — для труппы и для балетной школы. На ленинградское пришествие москвичи ответили династией Плисецких-Мессереров: Суламифь и Асаф сочетали танцевальный талант с педагогической гениальностью, их племянница Майя Плисецкая осталась в истории балериной уникального дарования и творческого долгожительства.

На рубеже 1960-х из московского училища выходит небывало одаренное поколение. Екатерина Максимова, Владимир Васильев, Наталья Бессмертная, Михаил Лавровский, Нина Сорокина, Юрий Владимиров — звезды, озарившие «золотой век» Большого театра. Наступил он в 1960-е, совпав с приездом в Москву очередного ленинградца — балетмейстера Юрия Григоровича. Как и предшественники, он перенес в Большой свои ленинградские балеты «Каменный цветок» и «Легенду о любви». Эти спектакли похоронили одряхлевший «драмбалет» — главный жанр сталинской эпохи. Реформатор получил пост главного балетмейстера Большого. И в 1969 году поставил главный московский балет XX века «Спартак». После этого он мог не ставить больше ничего: место в хореографическом Пантеоне ему было обеспечено. Григорович и не поставил ничего, равного «Спартаку»: из немногих оригинальных его постановок можно выделить разве что зловещего «Ивана Грозного», прославляющего и оправдывающего царя-деспота.

«Золотой век» Большого кончился одновременно с «Золотым веком» — так назывался очередной балет Григоровича, прославляющий советскую власть. 1980-е — годы бесплодия: премьеры в Большом появляются не каждый сезон, удача можно пересчитать по пальцам одной руки. Импорт исключен из обихода: западный балет почитался опасным в принципе.

«Лихие 1990-е» ознаменовались свержением Григоровича, довольно бестолковым правлением талантливого танцовщика Владимира Васильева, чехардой сменяемых балетных худруков и мучительными попытками встроиться в мировой балетный процесс, намереваясь упущенное за весь XX век. В последние 12 лет жить стало веселее — одних премьер в эти годы случилось столько, сколько не было за пять советских десятилеток. Снова родилось поколение, заставившее заговорить о себе мир. Но чтобы описать все перипетии бурной жизни современного Большого театра, автору едва хватило 300 страниц собственноручно написанной книги.